



*Н. М. Николаев*

# Гостальгия

*(Вапснски гетголовца)*



ИЗДАТЕЛСТВО  
ПРОМЕТ

# Николай Михайлович Николаев

## Ностальгия (Записки детдомовца)

*Текст предоставлен правообладателем*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=43676842](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43676842)*

*Ностальгия (Записки детдомовца) / Николаев Н.М.: Прометей; Москва;*

*2019*

*ISBN 978-5-907166-49-3*

### **Аннотация**

Данные записки (воспоминания) адресованы в основном моей семье и внучке...

Считаю, что период жизни описанный в книге, был самым безмятежным и счастливым для поколения шестидесятников. Это было время романтиков в поэзии, музыке, науке и освоении Сибири. Время физиков и лириков.

Я постарался описать все события, произошедшие в моей жизни, с документальной достоверностью. Примите эти искренние воспоминания о жизни обычного советского человека, с большим уважением и тоской по тем одухотворенным временам, когда ценились дружба, доверие, человечность!

Одним словом – НОСТАЛЬГИЯ!

*В формате a4.pdf сохранен издательский макет.*

# Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

# **Николай Николаев**

## **Ностальгия (Записки детдомовца)**

### **Глава 1**

#### **Ярославия. Издалека долго течет река Волга**

Первые мои воспоминания о детстве – купание в русской печи. Сложнее всего не испачкаться в саже, когда тебя достают. Самое интересное, что взрослые тоже мылись в этой печи. Конструкция такой бани – проще некуда: кладется щит на «пол» печи, задвигается большой чугунок с теплой водой, и баня готова.

Помню дедушку Дмитрия, который много столярничал у нас на повети и делал мне интересные игрушки. Одна из них так мне понравилась, что меня прозвали Коля-Пиля.

Бабушка Алена много болела, поэтому в моих воспоминаниях она неизменно лежит в кровати.

Дом был большим, разделенным на две половины – летнюю и зимнюю. В деревеньке насчитывалось всего пять дворов, поэтому в школу приходилось ходить за пять километ-

ров – и в снег, и в зной. Моей неизменной спутницей (и первой любовью) была Галя Белякова, которая сейчас живет в Санкт-Петербурге.

Следующие яркие воспоминания касаются моих путешествий из родной Третьячихи в Кривцово, где жили бабушка с бабушкой. Так как семья была большой и в одном доме было тесно, мы с мамой отселились в соседнюю деревню Третьячиха. Между нашим новым домом и бабушкиной деревней Кривцово текла речка, впадающая в более крупную реку Сёблу. На ее пологих берегах и в пролесках можно было собирать землянику, чернику и бруснику, так что до бабушки я добирался только к вечеру. Жаль, что мы с Сашей в 2005 г. не добрались до этих мест – не хотели губить Сашину «Той-оту». Очевидно, что самые яркие воспоминания о детстве всплывают у людей старшего поколения: может быть, многие из нас имеют желание начать жизнь сначала.

Наше детство было голодноватым, поэтому вспоминаются эпизоды, связанные с едой, и особенно отчетливо – как получал вечером от бабушки две горбушки свежего черного хлеба, посыпанного солью, для меня и коровы Майки; также помню, как тетя Маша, спрятав меня на сеновале колхозной фермы, наливала огромную кружку молока. В мою бытность подпаском, когда мы с пастухом пригоняли деревенское стадо, очередная семья, принимающая пастухов, накрывала нам праздничный ужин.

Почему-то для каждой семьи, независимо от благососто-

нения, первым долгом было хорошо накормить пастухов. Но помню и более голодные времена. Когда к весне заканчивались запасы, мы с ребятами ходили собирать на полях мороженую картошку, затем мать пекла из нее такие вкусные сладковатые хрустящие лепешки – «торфушки».

Во времена колхоза мы с парнями из соседней деревни гоняли лошадей в ночное, жгли костер, пекли картошку и катались на лошадях галопом. Особенно хорошо было скакать на одной кобыле серой масти – будто качаешься на волнах. Однажды я потерял уздечку на выгоне. Ох, и досталось мне тогда от бригадира! Я затаил обиду и отомстил: вытащил курок из передней оси его телеги, и, когда он запряг лошадь и сел, после окрика «трогай!» оказался на земле. Бригадир мне это припомнил за праздничным столом, когда, уже в студенческие годы, я приезжал к тетке в деревню.

Примерно раз в месяц в клуб привозили интересные фильмы: «Бродяга», «Чапаев», «Щорс», «Педагогическая поэма», «Тарзан». Последняя лента казалась нам фантастической сказкой. По мере взросления наши вылазки в соседские сады за яблоками становились все более бесшабашными, а в клуб в связи с дефицитом наличных мы попадали через чердак.

Я и сам удивляюсь, как в семь лет мог спрыгнуть через люк на потолке на сцену.

Скажу пару слов о нашей большой семье, так сказать, о родовом древе, корни которого уходят в неизвестность. У ба-

бушки с дедушкой было восемь детей. Федор и Андрей не вернулись с войны, третий сын Николай, слава Богу, выжил и работал бригадиром тракторной бригады. Так что я нака-тался с ним вдоволь на всех видах тракторов: «Фордзон», НАТН, ДТ-54 и т. д. К сожалению, дядя Коля утонул. Он вез ночью солярку для тракторов, лошадь сбилась с дороги и остановилась у обрывистого берега речки. Дядя Коля прыгнул и не смог выплыть.

Моя мать Александра и тетя Маша работали в колхозе.

Тети Тоня, Тая и Нина трудились на Рыбинском авиационном заводе.

В целом моя колхозная жизнь строилась по советским законам: не плохо, но и не хорошо. Главное, что все вместе дружно преодолевали трудности.

Весной 1953 г. моя мать серьезно заболела, и меня отпра-вили в детский дом, который находился в бывшем имении Мусиных-Пушкиных, а деревня соответственно называлась Мусино.

Я с огромной благодарностью вспоминаю те времена. Вос-питанники были заняты целый день интересными делами: выращивали морковь, помидоры, укроп и очень высокую ку-курузу, которую неоднократно возили на выставки в район и область.

Кормили нас прекрасно, я даже помню варенье из лепест-ков роз, но мы все равно ходили ловить рыбу. Вот как это происходило: один поднимал осторожно камень, второй, с

хорошей реакцией, хватал рыбу, ну а третий собирал улов. Попадались крупные щурята и, конечно, куча пескарей.

Осенью 1954 г. начали укрупнять детские дома, и нас перевезли в село Ракоболь Вологодской области. В этой глуши наша жизнь пошла совершенно по другим законам. Продовольственное снабжение детского дома полностью прекратилось. Наше меню состояло из того, что нашлось в колхозных амбарах: мука, соль, сахар, чай и молоко. Поэтому нас ежедневно кормили домашней лапшой с молоком и без молока. С тех пор я отношусь к домашней лапше так же, как мой тесть Григорий Константинович к шоколаду, которого ему пришлось съесть пол-ящика, прежде чем их экипаж нашли в тайге после падения самолета во время войны с Японией.

Чтобы удовлетворить потребности молодых растущих организмов, мы ставили верши на карасей в пруду бывшего помещичьего имения, где и жили, воровали дуранду (жмых).

Иногда удавалось стащить головку сыра с сырного завода, но в основном мы «паслись» на полях с горохом и подсолнечником, пока не получали кнута от бригадира, который объезжал верхом колхозные уголья. Теперь, спустя многие годы, мне кажется, что наше плохое снабжение объясняется падением дисциплины и ответственности чиновников после смерти Сталина.

В 1956 году нас снова перевели в город Рыбинск поселили в купеческое имение. Оно находилось на месте древ-

него городища<sup>1</sup> Усть-Шексна в черте Рыбинска. Сейчас там ведутся раскопки. Это было очень красивое место – стрелка Васильевского острова (как на Васильевском острове в Ленинграде (Санкт-Петербурге)). Справа течет Волга километровой ширины, а слева – стремительная Шексна, стремительная после сброса Рыбинской ГЭС, и сзади остров омывает Рыбинское водохранилище, раскинувшееся как море (шириной 60 и длиной 90 км).

В 2005 году я, моя жена Валя, внучка Женя, тетя Тая и двоюродный брат Саша навестили могилу матери, после чего у меня на душе стало спокойнее.

Наш детский дом был семилетним, после окончания седьмого класса выпускники направлялись в ремесленные училища. После перевода в Рыбинск я начал ходить в шестой класс, так что до самостоятельной жизни оставалось два года. Мы учились в общей школе вместе с детьми работников ГЭС и охранников лагерей, которых после окончания строительства ГЭС и шлюзов в этих местах осталось множество. «Лагерные» старшеклассники почему-то по отношению к нам, детдомовцам, проявляли агрессию. Мы, если сами не могли дать отпор, посылали гонца в ремесленное училище, и победа все равно была за детдомом.

Питание на этот раз было отличное, но почему-то в наказание за хулиганство, драки и невыполненные уроки воспи-

---

<sup>1</sup> Усть-Шексна основана в 1071 г. Фотоальбом Рыбинск. ООО ФорматСервис. На основании материалов Рыбинского историко-архитектурного музея.

татели оставляли провинившихся без обеда. Однако когда накрывали на столы, друзья наказанного кастрюлю с супом отправляли за окно, благо столовая находилась на первом этаже, и в результате все были сыты. А если что-то не получалось, то провинившиеся шли на кухню к поварам – женщинам добрейшей души, и те их кормили до отвала.

Досуг был довольно разнообразным: рыбалка, плавание через Волгу на техническую свалку авиазавода, катерозавода и кабельного завода. Из бракованной продукции этих предприятий мы могли собрать все что угодно: трансформатор любой мощности, паяльник, приборы для выжигания по дереву, детекторные приемники и многое другое. Для того чтобы как можно больше увезти со свалки, мы изготовили байдарку из подручных материалов. Из деревянных реек сколотили каркас, обернули его простынями, которые стащили у кастаньянши, намазали горячим битумом и выстрогали в столярной мастерской весла. Оставалось две проблемы: не попасться воспитателям и проскользнуть между судами, ходившими по реке. У нас все получилось, и нам было чем заняться в часы досуга.

Проводились и организованные мероприятия. Так, мы ходили в драмтеатр, смотрели суровую драму «Иван Грозный», которая произвела на меня неизгладимое впечатление.

Чтобы пробудить в нас интерес к дальнейшей трудовой деятельности, сотрудники детдома организовывали экскурсии на заводы и предприятия: завод полиграфических ма-

шин, катерозавод, завод по производству оптики, завод ферросплавов и, конечно, судоверфь им. Володарского, на которой работал Ю.В. Андропов.

Трудовые обязанности включали работу в подсобном хозяйстве, где мы сажали и копали картошку, косили сено для наших коров. Кстати, там я и научился косить. Это огромное удовольствие. Впоследствии мне этот опыт пригодился, когда я помогал другу Лёне на Урале в подсобном хозяйстве его отца.

Вспоминается наш столяр-трудолик, который учил нас изготавливать предметы мебели, грабли и т. д. Под его руководством я сделал пару стульев, шахматный столик и выточил шахматы.

Шефы из воинской части, которая охраняла Рыбинскую ГЭС, подарили нам списанные лыжи. Они были широкие, длинные и очень тяжелые, но мы сумели из каждой лыжи сделать две и обкатали все дамбы.

После окончания седьмого класса мне снова повезло. Хорошистов и отличников перевели во вновь организованную школу-интернат, а тех, чьи оценки были похуже, отправили в ремесленное или Рыбинское речное училище. Словом, я попал в эталонную школу-интернат, расположенную в корпусах Рыбинского педагогического института, который перевели в Ярославль. Директор – Юрий Сергеевич Кашкин – тоже оказался образцовым, что он в дальнейшем неоднократно доказывал. Наш интернат практически всегда выходил побе-

дителем в творческих конкурсах и спортивных соревнованиях среди школ Рыбинска. Мне как участнику соревнований по морскому многоборью досталось немного славы. Мы выиграли сначала городские, затем областные и зональные соревнования. Для отправки нас на всесоюзные соревнования у комитета ДОСААФ не нашлось денег. Конечно, по сравнению с заслугами моего зятя Игоря (чемпиона мира), это мелочи, но все же приятно вспомнить былое.

Интернат располагался в имении дворянского рода Михалковых, современные представители которого широко известны благодаря своему творчеству. Некогда Михалковым принадлежал так называемый Петровский парк, в котором располагались городской стадион и масса аттракционов. Здесь мы играли в футбол, бегали кроссы, катались на лыжах. Ю.С. Кашкин обеспечил нам великолепную материальную и интеллектуальную базу: у нас была современная токарная мастерская с новыми станками, столярная мастерская. Со строительным мастером мы освоили профессию каменщика и построили теплицы, а также дополнительные раздевалки, а на заработанные деньги купили велосипеды.

Нас объединили с детским домом Рыбинского авиационного завода. Там детьми занимались капитально: они получали музыкальное образование, рисовали картины и т. д. Поэтому и у нас появились кружок баянистов, струнный оркестр, духовой оркестр, который все лето проводил в «Артеке». Работали секции практически по всем видам спорта.

В столярной мастерской, помимо выставочных изделий, мы делали столы, тумбочки, стулья по заказам разных предприятий. Доходы Ю.С. Кашкин каким-то образом делил пополам. Половину выручки клали на наши личные сберкнижки, а вторая половина тратилась на всевозможные походы и поездки, причем в них отбирали претендентов по результатам учебы. Мне тоже посчастливилось побывать в недельных экскурсиях по Москве и Ленинграду.

Всего на попечении Ю.С. Кашкина было 420 воспитанников, а наш класс стал его первым выпуском.

Запомнились уроки практической педагогики. Они заключались в том, что нас, старшеклассников, прикрепили к подшефным младшим классам. Мы спали в спальнях малышей, каждое утро их будили, вели на зарядку, следили, чтобы все умылись и почистили зубы. Затем провожали в столовую, где учили правильно пользоваться столовыми приборами и сидеть за столом. Потом отводили в классы. На этом наше шефство не заканчивалось: ребятишки воспринимали нас как старших братьев, и поэтому мы участвовали во всех детских разборках, так как жаловаться воспитателю или учителю считалось неприличным. Все это служило своеобразным прообразом семейных отношений.

Интернат располагался на берегу Волги, и мы, старшеклассники, решили закаляться. Каждое утро мы летом купались, а зимой обливались холодной водой. В день полета Юрия Гагарина в космос, 12 апреля 1961 г., мы искупались

в Волге среди плавающих льдин и, слава Богу, все уцелели.

В свободное от учебы время мы смотрели в кинозале интересные фильмы и часто с классным руководителем обсуждали понравившиеся современные книги, например «Братскую ГЭС» Е.А. Евтушенко. Последняя вдохновила нас поехать на какую-то сибирскую стройку. В те времена романтика была заразительной, поэтому мы стремились всем классом в Сибирь.

У многих был жив кто-то из родителей, поэтому к выпускному вечеру желающих отправиться добровольно в Сибирь осталось только пятеро, включая меня.

После тяжелой болезни моя мать жила у тети Тони, нянчила Сашу и Лену. Они жили в поселке Волжском возле шлюзов, в пятнадцати километрах от интерната.

Я примерно раз в месяц их навещал, но осенью 1960 г. у матери обнаружили рак желудка, и я приходил к ней только в больницу. Позднее, 9 февраля 1961 г., мне в интернат позвонили и сообщили, что мама умерла. Я взял у физрука лыжи и отправился в поселок Волжский ее хоронить.

Спасибо дяде Вите с тетей Тоней: они установили хороший памятник с оградкой, благодаря чему я через 45 лет без труда нашел могилку. Вновь покрасил памятник и оградку. Надеюсь, что она до сих пор имеет приличный вид.

Наше счастливое детство подходило к концу: мы заканчивали десятый класс и готовились к выпускному. Успешно сданные экзамены остались позади. Мы сервировали сто-

лы безалкогольными напитками, учителя признавались, кто из нас у кого был любимчиком. Я, оказывается, внушал уважение интеллигентному учителю русского языка и литературы Александру Николаевичу, который раньше преподавал в педагогическом институте, но переезжать вместе с вузом в Ярославль отказался. Его уроки были похожи на лекции, притом очень интересные.

Ребята все-таки принесли пару бутылок красного вина. Тайком, в спальне, мы впервые попробовали вино, а затем всю ночь гуляли в нашем парке. Наутро директор Ю.С. Кашкин подготовил нам еще один сюрприз – организовал экскурсионную поездку на скоростном корабле на подводных крыльях «Ракета» в Ярославль. Это был замечательный подарок: во-первых, суда такого класса только появились, а во-вторых, в древнем Ярославле было на что посмотреть. Как я радовался, когда спустя 45 лет сумел показать эти замечательные церкви, монастыри и крепости своим внучке и жене!

После выпускного нами занялся Рыбинский комитет комсомола, так как в Сибирь мы ехали по комсомольской путевке. И снова благодаря Ю.С. Кашкину и советской власти нас собрали, как на Северный полюс: полный комплект одежды на любое время года, вплоть до валенок. С этим огромным чемоданом я получил первую грыжу. Ю.С. Кашкин, как бывалый фронтовик, предвидел наши трудности, и когда нас доставляли на работу в 45-градусный мороз в другой конец города в покрытом брезентом кузове грузовика, вся одежда

пригодилась.

Юрий Сергеевич лично отвез нас в Ярославль и посадил на поезд «Москва – Владивосток» до Читы, пожелав доброго пути. Напоследок он отметил, что морозящий дождь к счастливой дороге. И его напутствие оказалось как нельзя кстати.

## Глава 2

# Забайкалье. Славное море священный Байкал

Итак, в интернате мы получили путевку в жизнь, и впереди нас ждало долгое путешествие. В Читу мы приехали на шестые сутки; нас поселили в новое общежитие на берегу красивого озера Кенон, на окраине старого города.

Промышленность Сибири бурно развивалась, и требовались трудовые ресурсы, поэтому новоселье в нашем общежитии, кроме нас, комсомольцев-добровольцев, справляли демобилизованные солдаты и молодые специалисты: строители, медики, педагоги, да еще стилияги, высланные из столичных городов не за 100, а за 8000 км. И для полного комплекта в общежитии поселились освободившиеся зэки, которые тоже имели право на труд. Вопрос «из какой ты камеры (комнаты)?» нередко заставлял нас врасплох.

Надо отдать должное коменданту или парторгу предприятия, поселившему нас, детдомовцев, с дембелями. Они сходу научили нас варить борщ, готовить макароны по-флотски и прочие общежитские изыски.

С работой тоже все устроилось: нас, пацанов, направили в столярку, а девчат – в арматурный цех на точечную сварку.

Н.С. Хрущев объявил, что до коммунизма осталось все-

го 20 лет, и практически всем производственным бригадам присвоили статус «коммунистических». Наша тоже входила в их число, поэтому нас не обидели с зарплатой, хотя и дали чуть меньший разряд; премиальными тоже не обделяли.

С первой полочки ребята купили себе красивые часы, а я – фотоаппарат, и на питание еще осталось.

Первый самостоятельный праздник выдался 7 ноября. Накупили водки и шампанского, собрались все впятером, а инструкции от старших не получили, как надо пить, поэтому я до сих пор помню, как плохо нам было потом.

Свободное время мы проводили интересно: купались и катались на лодках на своем озере Кенон, по вечерам ходили на танцы в наш парк или Парк Забайкальского военного округа (ЗАБВО) в Чите-2.

Чита-1, где мы жили, – это старая часть города с частными домами, железнодорожными складами, депо, прочими железнодорожными сооружениями и заводами, включая наш Комбинат подсобных предприятий треста «Забайкалтрансстрой».

Чита-2 – административно-культурный центр с современными кинотеатрами, театрами, парками и стадионом, на который мы ходили кататься на коньках. Самыми величественными зданиями города были корпуса Штаба ЗАБВО. В этом воинском подразделении позднее мне довелось служить, правда, не в Чите, а в городе Нижнеудинске Красноярского края. Вот такой огромный округ обозначался аббре-

виатурой ЗАБВО («Забудь вернуться обратно»).

Мы часто ходили в кино, но больше меня поразил театр: зрительный зал был многоярусным, с огромной люстрой.

Рыбинский театр теперь казался мне сараем. Артисты были талантливыми; возможно, тогда еще там играли братья Соломины и Александр Михайлов – уроженцы Читы. Смотрели спектакль «Океан» про морскую службу советских моряков.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.